

ПРЕОБРАЖЕНИЕ МОРАЛИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*В обсуждении проблемы участвуют доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Московского гуманитарного университета **В.А.Луков**, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии **В.И.Толстых**, доктор философских наук, профессор Московского гуманитарного университета **О.В.Долженко**. Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

П.Гуревич. Сто тридцать лет назад русский философ А.С.Хомяков писал:

Бесплоден светлый дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука.

Наверное, кощунственно переделывать написанное, но если бы сегодня какой-нибудь энтузиаст задумал выразить современные нравственные представления, строчки получились, судя по всему, иные:

Бесплоден темный мир святыни,
Слаба молящихся рука,
Но прочно злато, сталь крепка.

Как произошла чуть более чем за столетие такая радикальная травестия моральных взглядов? Почему сегодня так много говорится о могуществе капитала, о неоспоримом праве сильного перед слабым, о радикальном одичании народов, о бездуховности и крушении абсолютов?

Попробуем локализовать нашу дискуссию. Хотелось бы понять, почему сегодня, когда разразился глобальный кризис, многие проницательные эксперты предлагают говорить о природе и духовных основаниях капитализма, о необходимости нравственного возрождения людского рода? При этом обнаруживается значительный разброс мнений. Некоторые авторы убеждены в том, что капитализм как формация исчерпал себя и поэтому следует искать новые цивилизационные формы человеческого существования. Другие исследователи, напротив, видят конкретные пути морального оздоровления современного общества путем возвращения протестантского этоса или как-то иначе. В этом свете возникают вопросы:

- Нужна ли нам мораль?
- Как соотносятся между собой мораль и право?
- Чья точка зрения на капитализм — К.Маркса или М.Вебера — оказалась исторически правильной?
- Сохраняет ли себя протестантский этос в качестве духовного фундамента капитализма?

- В чем проявляется аморальность современного образа жизни?
- Кого винить в нравственной деградации общества?
- Каково преобразование морали в современном мире?

Нужна ли нам мораль?

В.Толстых. Начну с вопроса: нужна ли нам мораль? Догадываюсь, что для моих коллег такое начало может вызвать недоумение. Но меня давно уже интересует и волнует именно этот вопрос, на мой взгляд, вполне жизненно практический и очень актуальный для современной России. А возник он и был инициирован провалом «политики реформ», начатых нашими неолибералами, в составе которых было немало «прозревших» партийцев и комсомольцев.

О.Долженко. Разве моральный кризис инициирован только либералами?

В.Толстых. Для начала поговорим о либеральной России. К началу нового века и тысячелетия страна оказалась, без преувеличения, в апокалиптической ситуации преддефолтного состояния буквально по всем статьям и параметрам своей жизнедеятельности — смертности и рождаемости, производительности труда и роста ВВП, социальной несправедливости и духовного одичания, короче — выживания, что мною было откровенно зафиксировано и обозначено в заметках «В Россию нужно не только верить», опубликованных в книге-сборнике «Слово не воробей... Сто откровений современной российской элиты», выпущенной издательством ПанЪинтер в 2001 году. Позднее я продолжил эту тему в книге — аналитическом докладе «О стратегии российского развития» (Русский путь, 2003). Этими подробностями хочу отметить лишь мой давний и пристальный интерес к вынесенной на обсуждение теме. Характеризуя общество и государство, возникшие на обломках обрушенного Советского Союза, я особо выделил состояние сферы общественной и индивидуально-личностной морали. Кратко плачевный результат «возрождения» России, как тогда писали, выразился в нижеследующей констатации. Все годы реформирования были прожиты как бы вне и без морали, и мы настолько привыкли к «отсутствию ее присутствия», что, кажется, и не нуждались в ней — и в политике, и в экономике, и в повседневном обиходе.

В.Луков. Простите, Валентин Иванович, вне и без морали общество жить не может. Вы ссылаетесь на собственные публикации, значит, запросы на нравственность были. Сами-то вы не были вне общества. Это, во-первых, одичание не было всеобщим, если вы осознавали этот процесс распада нравственности. Вероятно, были и другие публицисты и этики, которые возвышали свой голос против озверения общества. Во-вторых, конкретное расхождение между реальной жизнью и моралью было всегда. Сенека, как известно, призывал к аскетизму, а сам жил в роскоши. Можно ли назвать его жизнь праведной? В-третьих, мораль всегда существует в скрытом виде. Она может выражаться, к примеру, в той боли, которая сопряжена, как вы говорите, с «отсутствием присутствия» нравственного поведения. И, наконец, в стране

живут десятки миллионов людей. Они представляют различные группы населения. Стоит ли обобщать ситуацию, говоря о нравственности общества на основании практики социальных верхов и тех, кто пытался адаптироваться к новым условиям жизни?

В.Толстых. И все-таки пренебрежение простыми нормами нравственности и справедливости, тем более, моральными абсолютами Библии или Корана было в то время настолько очевидным и откровенным, что ныне мы разучились жить по совести, подменяемой сплошь и рядом «понятиями» экономической выгоды, политической целесообразности и просто «так хочу». Поэтому без конца реформируем экономику, политику.

П.Гуревич. Томас Карлейль еще в XIX веке утверждал, что любая реформа, кроме нравственной, бесполезна.

В.Толстых. Скажу и об этом. В ситуации сплошной вседозволенности, стыдливо прячась за спасительную формулу «разрешено все, что не запрещено», когда всем верховодит принцип «все продается и все покупается», воцарилась практика жестоких, в том числе и безмотивных или откровенно грабительских убийств. Явочным порядком, фактически нормой существования общества стали моральное одичание и безразличие к судьбе страны и другим людям. Отметим и подчеркнем, что речь идет не о замене «старой» морали «новой», не о рождении новой нравственной нормы поведения и бытования, а именно об отказе от морали и моральной солидарности как таковых.

О.Долженко. С таким манифестом никто не выступал...

В.Толстых. Перечитайте сборник «Иного не дано». Год выпуска — 1988. От морального кризиса не застраховано ни одно общество. В условиях революционного или «контр» - переворота с моралью вообще никто не считается, даже общество и страна, слывшая вполне цивилизованной и культурной. Но своеобразие нашего российского морального кризиса заключалось в том, что, возникнув в условиях глубокого институционального и ценностного разлома, он изначально не нес в себе никакой моральной альтернативы прежнему состоянию общества. Спросите у «новых русских», какую нравственную норму бытия предлагают они взамен отвергнутой, «советской», и вы услышите в ответ одно лишь мычание.

О.Долженко. Насчет мычания вряд ли. Может быть, станут говорить о моральности пользы, расчета, успеха.

В.Толстых. Здесь, скорее, интересы, нежели святыни. Нулевой градус моральности и объясняет наше безоглядное и бессмысленное восприятие и усвоение наихудших образцов чужой или чуждой нам культуры и образа жизни. Зато глухих к действительно прогрессивным и гуманным акциям зарубежной общественности, вроде той же кампании «чистые руки», не говоря уже о «чистой совести». В своих изначальных программных заявлениях и обращениях президент Путин, помнится, первым заговорил о необходимости морального возрождения России, но, видимо, более важные задачи и проблемы вышли на первый план, и потому до сих пор не видны сколько-нибудь серьезные и видимые знаки морального оздоровления общества и нации. Зато

очевидны все те же лица и те же «икарийские игры» в политику, моралью и не пахнущие.

О.Долженко. Запах морали. Интересно.

В.Толстых. А как отразить ее присутствие в общественном пространстве? По сей день считаю, что духовный кризис 1990-х годов с особой наглядностью и остротой проявился именно в сфере морального сознания и поведения, навевая такой неэстетичный образ. Впечатление такое, что в стране прорвало центральную канализационную трубу, и все, что в ней направлялось к стоку, вылилось наружу, и мы все вынуждены в этой жиже барахтаться и жить. Пренебрежение моральными императивами и разгул безнравственности достигли такого уровня, что общественность всерьез заговорила о возможности морального дефолта. Аморализм стал «родимым пятном» российского капитализма. Суровость этой оценки объясняется не только консервативностью моего нынешнего умонастроения, но, прежде всего, высотой и значимостью авторитета морали, место и роль которой в истории человечества и обществе явно недооцениваются. И главное — не сводятся к морализаторству. Мораль — это мощное, изобретенное самим человечеством средство очеловечивания самого общества и отдельного индивида.

П.Гуревич. Давайте условимся: каждый социальный факт может быть рассмотрен с правовой, прагматической и моральной точки зрения. Когда Кант говорит о способности суждения, он имеет в виду поиск основания, дающего право прибегать к оценке события или явления. Можно судить по закону, но можно и по совести. Не исключено также, что интересы вытесняют и право, и мораль. Закон может оказаться бездушным, суровым. Народная артистка Китая, как оказалось недавно, скрывала свои доходы и недоплатила налоги. Ее приговорили к смертной казни. Но, учитывая ее заслуги в искусстве, заменили приговор пожизненным заключением. Кому-то покажется, что такое решение аморально: жизнь не идет ни в какое сравнение с утаиванием доходов. Но с точки зрения закона здесь все правильно. Есть прагматическое оправдание. Не следует прощать экономическое преступление, если оно наносит ущерб обществу. Еще один пример, и тоже из китайской действительности наших дней. Богатый предприниматель изнасиловал сельскую девушку. Крестьяне потребовали от губернатора, чтобы тот наказал преступника. Но власть медлила, колебалась. Не правда ли, сюжет, знакомый по фильму «Ворошиловский стрелок»? Так вот. Рассерженные сельчане сожгли особняк насильника в порядке самосуда. Как оценить эти факты? Китайские власти сняли с работы губернатора, осудили насильника, а по отношению к крестьянам никакой кары не последовало. Но ведь они тоже нарушили закон. Здесь в силу вступили и некие традиционные моральные императивы, связанные со справедливостью.

В.Луков. Следовательно, мы не можем судить о событиях в обществе, находясь лишь в рамках строгой моральной доктрины. Либералы, затеявая реформы, не выступали от имени цинизма и нигилизма. Они руководствовались своим пониманием исторического момента. В Лондоне стоит памятник Кромвелю. Но ведь он отрубил голову английскому королю Карлу I. С этой

точки зрения он душегуб. Но он действовал в определенной исторической ситуации и подчинялся логике своего времени. Не окажется ли, что в истории действуют одни преступники, предатели, каратели, подлецы, кретины, если мы станем подвергать других моральному суду, разместив себя в некоем внесоциальном пространстве?

В.Толстых. Законная постановка вопроса. Но тогда давайте обратимся к происхождению морали. К сведению тех, кто этого не знал или до сих пор не знает, нравственность человека началась, «зародилась», не с разрешений, а с запретов и ограничений (сначала запрета людоедства, потом — инцеста и т.д. по всему реестру людских соблазнов и грехов). И воздействие морали — порой весьма жесткое и непримиримое — отнюдь не зло, а благо. В отличие от любого проявления морализаторства, коему любят предаваться и власть, и послушное ей население, особенно в виде выпуска «пара» не только на кухнях, но и на общественных трибунах. Так, морализаторство стало неотъемлемой частью и инструментом советского идеократического мышления и образа жизни. И все же во всех учреждениях на видном месте висел «Моральный кодекс строителя коммунизма», где перечислялись хорошие, «желаемые» гражданские и человеческие качества, кстати, во многом совпадающие с добродетелями и достоинствами Нагорной проповеди. Над этим можно иронизировать, но остается фактом, что морального суда и приговора боялись не меньше (часто — больше) административного наказания или уголовного преследования.

О.Долженко. Но ведь это разные вещи: висели нравственные предписания и люди боялись морального суда. Секретарь Курского обкома партии много лет занимался приписками, слыл замечательным руководителем, получал ордена и звания, а потом после разоблачения был вынужден покончить жизнь самоубийством. Чего он больше боялся — морального суда или крушения карьеры?

В.Толстых. Но ведь вы не станете отрицать, что в 1990-х годах возникла парадоксальная ситуация: мораль явно увяла, сникла и даже морализаторство утратило былую утверждающую и обличительную силу. Коммунистическая мораль была ниспровергнута, уступив место религиозной проповеди, и это в стране, где число верующих к тому времени не превышало 5% населения. Светское общество лишилось важной институциональной (социальной) опоры и воздействия. В общественных документах вы не встретите, за редчайшим исключением, моральных оценок и суждений в анализе экономических, политических реалий и культурных процессов. Я не помню случая, чтобы кто-то их госслужащих и общественных деятелей попробовал оценить какой-то поступок с морально-этической стороны, назвав его «аморальным», а поведение человека — «бессовестным». Общественная мораль молчит, либо глухо, «не слышно», ворчит, и всю заявляет о себе свобода безобразничать, как правило, не получающая никакого общественного отпора.

В.Луков. Свобода безобразничать получала отпор, к примеру, в ваших публикациях. Но ведь и не только. Кстати, прорабы перестройки, затеяв преобразования, в официальных документах не обходили этические проблемы.

В.Толстых. Это на уровне слова. В те годы наша этическая наука и публицистика повернулась «телесным низом» по отношению к реальной действительности и практике «капиталистического переустройства». Под знаком и сводами «свободы» появились и стали процветать всевозможные превращенные формы и обратные общие места: спекуляция уже не спекуляция, а вид посреднической предпринимательской деятельности; то, что именовалось прежде коррупцией, просто взяткой и вымогательством, называют «соглашением сторон», «дополнительной платой за услугу», «благодарностью» и т.д. Вышли из моды, вообще из обихода, понятия скромности, порядочности, стыдливости, а героями жизни и телеэкрана стали проходимцы, пронеры, льстецы и лицемеры. Уже без тени юмора, всерьез могут спросить или сказать: «Если вы такой умный, то почему вы такой бедный?» Интересно узнать и понять, как эту морально-этическую ситуацию воспринимает, оценивает и определяет современная этическая мысль и наука? Каковы дальнейшие перспективы морального состояния российского общества и что последнее может предложить в качестве «рецепта» его нравственного оздоровления?

Мораль и право

П.Гуревич. Я согласен с Валентином Ивановичем относительно демаркации морали и морализаторства. Но вот что меня смущает. Неолибералы подвергли радикальной критике нравственность советского общества. Утверждая плюрализм, они изложили свои представления о морали в книге с парадоксальным названием «Иного не дано», которую упомянул Валентин Иванович. А.Бовин в этом сборнике писал: «Кричащая немота была не страшным сном, а страшной явью. Десятилетия торжествующей лжи, красноречия, духовной неподвижности обрекали правду на косноязычие, невнятицу». Пришло другое время, и мы заговорили об аморальности самих либералов. Трудно оспорить то, что говорил здесь Валентин Иванович. Ведь это либералы в захваченности агрессивным морализаторством требовали уничтожить инакомыслящих. 42 интеллигента либерального направления подписали манифест в 1993 году с грозным наказом власти в духе Вольтера — «Раздавить гадину». Неогосударственники вот уже почти десятилетие подвергают морализаторской критике либералов.

Но вот наступил мировой кризис и теперь немало публикаций о том, что именно государственники погубили нравственность. Всеобщая продажность, коррупция, высокомерие властей, попрание справедливости. Коррупция стала политикой. Можно ли продвинуться по карьерной лестнице без взяток? Вряд ли... А реализовать передовую идею без чиновничьего выкупа? Так какой смысл вообще говорить о нанотехнологиях и разных новациях! В этой связи хотелось бы понять, кто же является носителем морали? Неужели только победители, временщики, очередные хозяева жизни? Верно ли, что в истории

царят лишь разные лики морализаторства, а настоящие святые служат только для прикрытия корыстных интересов тех или иных людей? Отчего экспансия агрессивного морализаторства привела парадоксальным образом к снижению уровня нравственности? Все требуют морали, а она исчезает, как шагреновая кожа. Нет ли возможностей перейти от общей критики аморальных злодеев к анализу социально-исторических закономерностей развития морали?

В.Луков. Владимир Сергеевич Соловьев писал о том, что исторический опыт застает человека уже восполненным некоторой общественной средой, и затем — что вся история есть лишь возвышение и расширение той двусторонней, лично-общественной жизни. Иначе говоря, действительно в истории моральной может оказаться некая социальная сила, выражающая новые социальные представления. Но после ухода с исторической арены или даже в момент кризиса она становится объектом критики. Однако мораль вовсе не условна, не исчерпывается конкретной эпохой. Критерием здесь могут служить универсальные идеалы, выражающие, по мнению самого Соловьева, человеческую природу. Но вопрос, прежде всего, заключается не только в том, каковы нравственные установки того или иного общества. Можно говорить также о том, насколько укоренена мораль в жизни конкретного социума. Ведь общество держится не только на морали. Оно реализует также интересы, правосознание...

П.Гуревич. Мы уже назвали эти, по крайней мере, три скрепы общественного сознания: интересы, права и ценности. Сторонники перестройки в нашей стране в свое время много говорили об интересах различных социальных групп. Они исходили именно из примата эгоистических интересов людей. О нравственных императивах говорилось меньше. Демократы были убеждены в том, что они владеют инструментами общественного преобразования. Главное — установить рыночные отношения, запустить механизмы демократии. О духовности, справедливости, сострадании говорилось мельком. По случаю. Но ведь именно ценности встают на пути интересов, когда те утрачивают нравственное измерение. Реализуя свои цели, предприниматель, как и обычный гражданин общества, может сказать себе: «нет, так я поступать не буду, это противоречит моим нравственным нормам». Но что получится, если моральные абсолюты будут оттеснены на периферию общественной жизни? Финансист скажет: «я могу обрушить национальную валюту, но зато получу хорошую прибыль для себя. Разве мне не дозволено?»

О.Долженко. Либералы видели также спасение в праве. Не случайно произошла даже некоторая путаница в вопросах: «могу ли я?», «имею ли я право?» Валентин Иванович напомнил, что мораль возникла как некое добродетельное ограничение. Острые этические споры могут возникать по сходному поводу. Полтора десятилетия назад в «Литературной газете» была напечатана статья писателя Бориса Кочубея «Дождемся ли мы культа личности?» Какой парадоксальный и завораживающий заголовок! Дочитав в свое время, я вздохнул с облегчением. Речь, оказывается, шла вовсе не о сапогах генералиссимуса, не о многоорденоносном мундире другого кормчего, а о нашем повседневном партикулярном костюме. Тот культ был плохой, он

лишал нас свободы и суверенности. Не пора ли противопоставить ему другой — возвеличивание индивида? Мы теперь знаем, как трудно накормить человека, обути и одеть. Догадываемся, сколь тяжело пробудить его сознание. А что легко? Нетрудно напечатать слово «человек» на верхнем регистре, одними заглавными буквами. Вполне доступно сделать культ личности массовым и вообще поставить на поток. Кто был ничем, то станет всем... Не ходим ли мы по кругу? И в той статье, и в недавних публикациях, связанных с одним нравственным сюжетом, наметилась, как мне кажется, тревожная тенденция: персоналистская идея доводится до абсурда, освобождается от нравственных критериев, от размышлений о природе человека и его предназначении. Вот выступает по телевидению известный философ. Прислушаемся: «Все должно быть подчинено человеку — и общество, и церковь, и Бог...» Ничего не скажешь: затейливый изгиб мысли: Бог подчинен человеку. Такого индивида, в распоряжении которого оказались силы небесные, начинаю страшиться...

В.Луков. В годы свободного либерализма газеты писали об одном подгулявшем дьяконе, который, тыча пальцем в небо, кричал: «Я-то дьякон, а ты кто?»

О.Долженко. Дьякон, не признающий Бога, индивид, возвысившийся над обществом и небесами. Б.Кочубей, рассуждая о странной юридической формуле «превышение пределов необходимой самообороны», прямо спрашивал: «Почему же я не имею право убить того, кто посягнул на мою личность, мою честь и мое имущество?» Обратите внимание, сколь изящно право оказать сопротивление насильнику подменено здесь заповедью «убий!». А если я не имею право убить, рассуждает автор, нужно оставить пустые разговоры о правах человека... Конечно, если человек, обороняясь, нанес преступнику урон или случайно убил его, общество не может карать оборонявшегося как злонамеренного душегуба. Но в условиях, когда правоохранительные органы бездействуют, а христианская мораль вытравлена едва ли не под чистую, сколь соблазнительно выглядит идея самосуда. Еще раз вспомним популярность кинофильма «Ворошиловский стрелок». Он преступил дозволенные пределы, преступлю и я. Люди другого племени хотят искоренить меня — не стану медлить с упреждающим кровопролитием. Знакомый сценарий? Однако бережным отношением к жизни, к уникальности личности здесь и не пахнет. Понятное дело, когда тебя берут за кадык и начинают душить, трудно с максимальной точностью определить допустимые пределы самообороны. Вот что написано в Законе: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения».

В.Луков. Сейчас в Закон внесены коррективы.

П.Гуревич. Слава Богу. Наша новая власть тоже возлагает огромные надежды на правосознание. Борьбу с коррупцией мы начинаем не с морального осуждения, а с выработки соответствующих законов. С одной стороны, это правильно. Но до тех пор, пока в обществе не сложится нравственная оценка коррупции, закон работать не будет... Я хотел бы обратить ваше внимание на

резкую критику либерального понимания прав человека, которая содержится в современной постмодернистской философии. Жан Бодрийяр в работе «Прозрачность зла» пишет, к примеру, что мы умеем произносить только речи о правах человека, — об этой благоговейной, слабой, лицемерной ценности, которая зиждется на просвещенной вере в естественную силу Добра, на идеализации человеческих отношений (тогда как для Зла не существует иной трактовки, нежели само Зло). Действительно, об идеальной ценности этого Добра всегда говорится в покровительственной, уничижительной, негативной, реакционной манере. Это есть сведение Зла к минимуму, предупреждение к насилию, стремление к безопасности. Эта снисходительная и давящая Сила доброй воли помышляет лишь о справедливости в обществе и отказывается видеть кривизну Зла и его смысл».

В.Луков. В верховенстве закона нет ничего плохого. Но если обсуждается только право, а про моральные заветы ни слова...

П.Гуревич. На мой взгляд, действительно возможна ирония, когда речь идет о жгучей потребности обозначить, на что имеет право человек. Существует ли, к примеру, право на желание, на необдуманные поступки, на наслаждение? Полный абсурд. «Право на жизнь» заставляет трепетать все набожные души до того момента, пока из него не выводят логически право на смерть, после чего абсурдность становится очевидной. Потому, что смерть, как и жизнь, есть судьба, фатальность (счастливая или несчастная), но отнюдь не право. Почему бы не потребовать «права» быть мужчиной или женщиной? Но что значит быть мужчиной или женщиной, если на то существует право? Я могу потребовать права ходить конем по прямой, но какой в этом смысл? Права такого рода просто нелепы. По жестокой иронии мы дожили до права на труд. А в условиях кризиса и до права на безработицу! До права на забастовку! Никто даже не замечает сюрреалистического юмора таких вещей. Бывает, однако, этот черный юмор прорывается наружу. Такова, например, ситуация, когда приговоренный к смерти американец требует для себя права на казнь вопреки всем лигам защиты прав человека вместе взятым, бьющимся за его помилование.

В.Толстых. Да, допустим, право на добровольный уход из жизни. Оно действительно доведено до абсурда. В Голландии, как сообщают газеты, отправляли на тот свет совершенно здоровых людей, впрочем, с их согласия. При этом сложилась целая система аргументов, своеобразная идеология. Говорят о том, что многие люди хотят уйти из жизни, но не умеют, не знают, как это сделать. Они допускают массу ошибок, калечат себя, обрекают на страдание. И вот провозвестники права на добровольную смерть убеждены, что они занимаются благим делом. Они утверждают право на безболезненную смерть всех добровольцев. При этом не только распоряжаются чужой жизнью, но вторгаются в неподвластную им сферу.

В.Луков. Хочу внести в дискуссию некоторые актуальные соображения. Газета «Аргументы и факты» в апреле напечатала статью о том, что наши улицы нередко носят имена убийц, карателей. Известно, что Петр Войков лично выписал пять пудов серной кислоты, чтобы уничтожить следы

убийства Николая Второго и его семьи. После этого он любил, как сообщает газета, посмаковать подробности той расправы.

В.Толстых. Скажу честно. Мне надоело беспардонное шельмование «проклятого прошлого», чем новоявленные манкурты пытаются оправдать свое беспамятство и неприглядность настоящего. Вместо гнева, как писал Блок, вялая тоска. Ход истории слагается из скрещивания бесчисленного множества конкретных судеб, историй жизни. На каком культурном основании мы собираемся возрождать, обновлять или воссоздавать былое величие страны? Почему мы отказываемся от нашего прошлого, предаем его анафеме, с каким-то непонятным злорадством и сладострастием, распиная себя напоказ и удивление всему миру? Мы буквально забились в истерику, оргии саморазоблачения и самоотрицания, загоняющих народ в тупик безысходности.

П.Гуревич. Согласен. Вы назвали критиков советского прошлого манкуртами. Действительно, надо помнить прошлое и дорожить им. Но, наверное, к манкуртизму относится и неспособность подвергнуть прошлое моральной оценке. Прошлое значимо, но надо ли видеть в нем только героическое, вообще связанное с эпосом? Вот пример: откликаясь на газетную статью по поводу переименования улиц, депутат Госдумы Николай Харитонов написал: «Да, большевик Петр Войков причастен к убийству последнего императора. Но разве сам император не причастен к событиям 9 января 1905 года, знаменитому Кровавому воскресенью? Безоружные люди шли с хоругвями к Зимнему дворцу просить царской милости. Но монарх дал команду казакам, и те разогнали толпу, расстреляли сотни людей, в том числе детей и стариков». В этом суждении депутата опять)таки право и мораль даны в парадоксальном сплетении. Можно дать моральную оценку императору, но оправдать его с точки зрения права. Никто в России, кроме большевиков, не отвергал законность наведения порядка в стране. И еще: одно преступление не может служить оправданием другого преступления. Если император повинен в смерти невинных людей, то это несколько не освобождает поступок Войкова от моральной оценки. Стоит сегодня заговорить о тяжелых временах прошлого и подойти к ним с покаянием, как сразу возникает голос протеста: «а вы что, лучше?» Если не лучше, то это не означает, будто можно выдать индульгенцию преступлениям прошлого. Нравственное суждение существует как самодостаточное. Не следует называть нравственным поступок, который был вызван революционной целесообразностью или пониманием законности в условиях революции. Если это не так, то наш разговор о нравственном измерении современности лишается смысла. Мы ведь тоже действуем по логике наших дней, и неизвестно, как это отзовется в сердцах новых поколений.

О.Долженко. Поэтому и возникает необходимость критики одностороннего права без этического обоснования. Право неизбежно обретает пагубную кривизну, когда оно в силу собственной логики оказывается излишним. Права человека теряют свой смысл с того момента, когда человек перестает быть существом, лишенным своей собственной сути, чуждым самому себе, каковым он был в обществе эксплуатации и нищеты. Там, где человек

действительно самоутверждается, совершенствуется, сфера права начинает обуживаться. Она оказывается иллюзорной и неадекватной. Многогранный индивид, имеющий множество ценностей, перестает быть объектом права. Можно в известном смысле принять вопрос «нужно ли видеть в апофеозе прав человека непревзойденный взлет глупости, гибнущий шедевр, обещающий, однако, осветить конец века всеми огнями согласия?» Если право не освящено моралью, то, на наш взгляд, оно оборачивается тупостью.

П.Гуревич. Стало быть, проводя через Думу вопрос о коррупции, важно обозначить и моральный аспект проблемы. Толкуя, к примеру, о достоинствах ЕГЭ, хотелось бы проанализировать и некоторые нравственные измерения этой реформы, которая, по сути дела, провалилась, а кто будет отвечать за миллиарды потраченных денег? Предлагая, допустим, закон о контроле над средствами массовой коммуникации, следует думать не только о введении единомыслия в стране, но и о нравственной порче со стороны массовой культуры. В связи с этим возникает и дополнительный вопрос: возможна ли нравственность в обществе, основанном на обогащении и конкуренции?

Маркс или Вебер?

В.Луков. Интересно, что критика капитализма со стороны Маркса была не только чисто экономической или правовой. Маркс и Энгельс обличали дяляческий прагматизм, холодный расчет, параноидальное стремление к наживе, которое истребило и религиозный экстаз, и рыцарский энтузиазм и даже мещанскую сентиментальность. Мне кажется, что Маркс был гораздо реалистичнее в оценке капитализма, нежели Вебер. Исторически капитализм, судя по всему, обречен.

П.Гуревич. Мне, напротив, позиция Вебера в оценке нынешней ситуации кажется более реалистичной. Вот если спросить современного политика, каким образом появился капитализм, он, вероятно, скажет: ну, образовался рынок, банки, частная собственность. Но ведь Вебер, как известно, выводит капитализм из протестантского этоса. Частная собственность была уже в древнем мире, банки существовали в античности, рынок вообще древнее приобретение. Капитализм сложился не благодаря собственности или увлечению наживой, накоплением. Он возник благодаря строгой системе нравственных правил, которые подверглись сакрализации со стороны протестантского этоса. Что это за правила? Всякое богатство невозможно без трудового усилия. Праведная жизнь невозможна без аскезы. Раннебуржуазные отношения держатся на честности, дисциплине, сознательности, честности и профессиональном долге.

О.Долженко. Но у Маркса период первоначального накопления описан иначе.

П.Гуревич. Уже отмечалось, что разлад между моральным предписанием и социальной практикой возможен. Главное, что следует понять: Вебер писал о протестантском этосе, но он его не идеализировал. Не надо

отождествлять взгляды немецкого философа и принципы протестантизма. Вебер писал, что Реформация положила начало становлению капитализма. Таким образом, капитализм можно считать продуктом Реформации. В результате возник буржуазный предприниматель, «который не преступал границ формальной корректности, считался нравственно безупречным, а то, как подобный предприниматель распоряжался своим богатством, не вызывало порицания; он мог и даже обязан был соблюдать свои деловые интересы». Но Вебер не идеализировал капитализм, его истоки и судьбу. Он показал, во-первых, что протестантские заповеди не безупречны. Согласно этому кодексу нравов, человек, который мог обмануть партнера ради прибыли, но не сделал этого, не вполне адекватен. Ради труда, ради преобразования и благоустройства земли можно и обмануть, лишь бы не угасла предпринимательская жилка. Вебер также отмечал, что по мере становления капитализма произошло отречение от христианских ценностей. Именно поэтому стремление к наживе утратило религиозно-этическую оценку. Жажда денег, богатства на высшей стадии развития капитализма приобрела характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Не случайно Вебер предумышленно вывел за скобки своей протестантской теории происхождения капитализма ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов.

В.Луков. Но в наши дни спекулянт может обрушить экономику многих стран и при этом обеспечить себе «навар», как это случилось, к примеру, с Соросом.

П.Гуревич. И вот что парадоксально. К концу прошлого века методы спекуляции были доведены до изощренности и совершенства. Даже процесс выплаты долгов был возведен в некую нравственную норму, чуть ли не иницированную Богом. Вероятно, через это представление складывалось сакрализация капитализма и демократии, поскольку сам Бог на их стороне. Именно такое толкование получила работа «Протестантская этика и дух капитализма» спустя чуть не век после ее появления. Ростовщичество стало поэтизироваться. Банки, оказавшиеся кровеносной системой экономики, превратились в учреждения, заслуживающие боготворения. Однако христианская доктрина всегда презирала ростовщиков. Осуждалось само взимание процентов за предоставляемый кредит. У Пушкина Альбер в «Скупом рыцаре» считает, что, беря деньги займы, можно просто дать рыцарское слово, но не заклад: «его червонцы будут пахнуть ядом». А брать проценты — все равно что торговать смертельным зельем. Речь, разумеется, идет не о том, чтобы проценты были небольшими, справедливыми. Давать деньги ради прибыли — это христианский грех. Ведь тот, кто обратился к нему с просьбой, испытывает временную нужду. А кредитор пользуется временными затруднениями, спекулирует на человеческих страданиях. Скупой рыцарь у Пушкина равнодушен к слезам вдовы, которая стоит под дождем и воет, прося об отсрочке. Он принимает дуплон, который, судя по всему, получен от разбойника. Вина ростовщика с нравственных позиций нередко была

предметом обсуждения. Лишить кредитора имущества, а иногда и жизни, казалось справедливым.

В.Луков. Кстати, не только христианство осуждало кредиторов. Буддисты полагали, что человек, живущий на чужие доходы с займа, никогда не достигнет нирваны. Мусульмане также презрительно относились к ростовщикам, которые часто рисковали своей жизнью и подвергались опасности. Иудейская Тора запрещает своим единоверцам ссужать под проценты.

О.Долженко. Хочу к этому добавить, что финансисты никогда не имели высокого социального статуса. Ни во времена христианства, ни в период капитализма их никто не принимал за достойных граждан, в отличие от бюргеров, торговцев и капиталистов. Все были убеждены в том, что ростовщики получают деньги ни за что, поэтому они безнравственны. На них лежит ответственность за инфляцию, причем не только в сфере денег. Вот почему они жили на грани закона. Конечно, писатели отразили и столь редкие факты, когда финансист оказывается востребованным. Он купался в лучах славы и власти. Но надолго ли? Когда надобность в них исчезала, ростовщики снова опускались в социальные низы. В 1893 году Эмиль Золя написал свой роман «Деньги», в котором рассказал о методах работы финансовых рынков, заодно описал и атмосферу всеобщего морального осуждения со стороны общества по отношению к банкирам. Главный герой романа — банкир-учредитель мсье Саккар, специализирующийся на спекуляциях акциями якобы быстро развивающихся компаний, в данном случае ближневосточных. Благодаря легкости, с которой он делает деньги, он становится звездой финансового мира. В его уста Золя вкладывает следующие слова: «Стоит ли отдавать тридцать лет жизни, чтобы заработать какой-то жалкий миллион, когда его можно положить в карман за один час посредством простой биржевой операции... Самое худшее в этой горячке то, что перестаешь ценить законную прибыль, а в конце концов даже теряешь точное представление о деньгах». Саккар неизбежно терпит крушение, но вскоре он начинает все снова. Люди, подобные банкиру, описанному Золя, были зачастую очень богатыми, но с ними мало кто желал общаться, о них мало знали. Они были спекулянтами, маргиналами, ничего не производившими, но они всегда находились в движении. Наши современные банкиры-инвесторы — те, кого мы почитаем столпами общества и оплотами капитализма, — являются преемниками мсье Саккара.

П.Гуревич. Мировой кризис разразился именно в результате неоправданного расширения зоны ростовщичества. Характерно, что на прошедшем саммите глав двадцати ведущих государств не удалось договориться об усилении контроля над спекулятивными инструментами. Ни институтов такого контроля, ни оценки самого ростовщичества, во многом повинного в кризисе, ни реальных шагов в обуздании appetитов финансистов. МВФ получил поддержку на сумму более триллиона долларов. Но за всю свою историю этот фонд не помог ни одной стране подняться с колен или совершить рывок. Теперь, видимо, важно обсудить вопрос о будущем морали. В

специальной экономической и этической литературе обозначилось две тенденции. Одни авторы полагают, что спасение капитализма в том, чтобы вернуться к протестантскому этосу. Они пишут о подвиге Лютера, который сумел воскресить основы христианской морали. Сейчас такая работа, по их мнению, предстоит и нынешним ревнителям нравственности. Спасение от мирового кризиса многие усматривают в том, чтобы очистить мировую экономику от интриг ростовщичества, возродить достоинство труда, честности, доверия, без которых мировое сообщество не выползет из кризиса. Но, может быть, важен поиск иных нравственных ориентиров? Не исключено, что протестантский этос исчерпал себя за четыре с половиной столетия. Как и почему может возникнуть новый нравственный кодекс? Должен ли он быть отражением новой мировой практики?

В.Луков. История мировой этики показывает, что нельзя выводить нравственные кодексы только из наличной социальной практики. Возьмем, к примеру, современную политическую практику. Она дает наглядные примеры безнравственности. И вот рождается вывод, возможно, идущий от Макиавелли: политика — вообще грязная вещь. Она и не может быть иной. Но здесь можно призвать на помощь вдохновляющую мысль Канта. Немецкий мыслитель показал, что моральные нормы не утрачивают своего достоинства, даже если никто их не соблюдает. Кант осудил мнимое право лгать из человеколюбия. Столь же категоричными, безусловно, являются все другие моральные нормы. Десять заповедей Моисея, ритуал от Конфуция, вера в Аллаха у Мухаммеда, любовь у Иисуса Христа, как отмечает в своих работах академик А.А.Гусейнов, не знают опущений. Она есть то, благодаря чему индивиды приобретают свою человеческую определенность, становясь один китайцем, другой евреем, третий — мусульманином, четвертый — христианином. В них, в этих нравственных законах, задается абсолютный предел человека, та последняя черта, которую нельзя переступить, не потеряв человеческого качества. Они поэтому не знают исключений уже по определению.

П.Гуревич. Мне попала в руки книга видного американского политолога, профессора Принстонского университета Джеффри Стаута «Демократия и традиция», выпущенная в этом году издательством «Прогресс». Исследование содержит огромный материал, связанный не только с политической мыслью, но, в частности, и с моралью. Читать интересно, но вот что вызывает чувство протеста. Автор отмечает очевидную истину: представления о нравственности различны. Но рождение новых нравственных представлений он связывает только с конвенциональным подходом. Различия, мол, существуют. Нигилист отбрасывает идею о том, что нравственная истина возможна. Скептик оставляет мысль о том, что мы оправдываемся верой в какие бы то ни было нравственные истины. Радикальный релятивист отбрасывает идею о том, что мы можем оправданно применять моральные суждения к людям, поступкам и практикам за пределами нашей собственной культуры. Как быть? Автор уповает на возможности межкультурного морального суждения. Кто бы спорил... В конечном счете, автор игнорирует не только этику, но и огромный нравственный опыт человечества. Этика

оказывается ни чем иным, как определенным соглашением между либералами и консерваторами, представителями разных культур. Но мы видели, во что превращается спор между прогрессистами и ретроgrадами хотя бы в нашем обществе. Об этом и говорил Валентин Иванович.

В.Луков. Вот здесь и возникает важная тема. Речь идет о моральном релятивизме. Если каждая историческая, социальная сила имеет свои резоны, свои нравственные императивы, то как, к примеру, можно осуждать агрессивный аморализм новых хозяев российской жизни? Газеты писали о том, что на тусовке в Ницце совладелец компании Mirax г-н Полонский сказал: «У кого нет миллиарда, пусть идут в ж...». А наглость, с которой современные капиталисты, капитаны бизнеса, толкая друг друга, бросились к государственной казне, чтобы ее выдоить, свидетельствует не только о полном отсутствии морали, но и определенных предпринимательских правил, этических сдержек. Однако эти факты не получают моральной оценки в среде новых русских. Критика их аморализма ведется из стана бедных. А новым русским эти сегоования нужны? У них свой кодекс жизни. Видимо, современной этической мысли не хватает конструктивности. Надо подвергнуть разоблачению этический релятивизм. Человечество буквально выстрадало нравственные нормы ценой страданий, опыта революций, этической рефлексии. Они незыблемы и универсальны. Поиск оснований этих моральных установлений — актуальная задача. Иначе будет царствовать морализаторство и лицемерие.

О.Долженко. Но сохраняет ли себя протестантский этос в качестве духовного фундамента капитализма? В каждой культуре, которая прошла полный цикл развития, существует срез, соответствующий протестантскому этосу, но по ходу исторического развития этот срез жизни общества в разной степени был востребован. В ряде случаев, в частности, в России, он был просто уничтожен или подавлен. И по делу: он противоречил высшей ценности российского государства — административной вертикали, которая во все времена подавляла даже слабые попытки, связанные с возникновением самостоятельных субъектов социокультурной практики.

П.Гуревич. Вы говорите об универсальности протестантского этоса. Но ведь во многих культурах отвергается ценность труда, дисциплинированно сти, аскезы. Могла ли вертикаль власти уничтожить хозяйственный этос? Здесь, вероятно, дело не во власти, а в том, что социальная практика вызвала к жизни иные ценностные ориентации. Они-то и были востребованы многими людьми. Сегодня трудно убедить многих в том, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Мысли об аскезе, которая поневоле связана с кризисом, раздражают людей. Они с упоением верят в то, что вот-вот все наладится, кризис уйдет так же внезапно, как обрушился. Нравственный урок, который вытекает из катастрофы, не извлечен, не усвоен... Кого же винить в моральной деградации общества?

О.Долженко. Перечень окажется очень длинным, но начать нужно с себя: и по объективным, и по субъективным причинам и философы, и ученые-гуманитарии так и не дали ответа на вопрос: с каким человеком мы имеем

дело? Где пролегает зона его ближнего и дальнего развития? Последнее — условие предупреждения идеологизации сознания. И все)таки, возьму на себя смелость утверждать: основной виновник — государство, которое исключало возможности становления новых субъектов социокультурной практики, новых форм организации жизни общества... Войдя в процесс построения общества «суверенной демократии» и воплощения в жизнь нового мифа, ему пришлось легализовать криминальную, теневую экономику, потому что в легальном поле такой практики просто не было. Дальше оно вспомнило о своей «родовой травме» и, как это было в период свертывания НЭПа, перепугалось и срочно стало формировать вечно новое и хорошо известное. И вот уже очередные носители «ума, чести и совести нашей эпохи», а в газетах публикации с оригинальным заголовком — «Верный сын партии»...

В.Луков. Власть убеждена, что преступность наших дней выросла как на дрожжах не столько из наличного денежного оборота, сколько в результате малограмотной борьбы с ним. Мы еще не до конца осознали тот масштаб, который характеризует влияние криминала на все стороны жизни современной России. Каковы сегодня отношения между государством и уголовным миром?

П.Гуревич. Власть и криминал не всегда антиподы. Эксперты нередко называют их политическими соперниками. Ведь они реализуют собственное право на насилие, иногда прибегая к союзу уголовщины и государства, порой вступая в яростную борьбу. Как только власть начинает осуществлять свое стремление к монополии, криминал поднимает голову, становится агрессивным.

О.Долженко. Вспомним, как в 1990-х годах началась криминализация в обществе, потому что ввели усиленный контроль за наличными расчетами. Ведь введение наличных расчетов оказалось радикальным, неожиданным для нашей страны. Поэтому стала складываться и организованная преступность. А сегодня? Снабжение экономики наличными средствами оказалось целой индустрией. Ее обороты можно сравнить с выгодами от продажи нефти и газа. Эта сфера дает миллиардные доходы криминальному миру. Он может вообще сосредоточить свои усилия именно здесь, и больше ему ничего не потребуется. Государство позволило криминалу получить могучий источник обогащения. А теперь без этой сферы преступного сообщества в экономике может наступить коллапс. Вот она, социальная логика. Наивно думать, будто государство противостоит криминалу по определению. Точки такого противостояния и союза различны и многообразны. Срачивание государственных структур и криминала — сюжет бродячий. Но как может нравственное сознание примириться с тем, что вокруг все преступно, кругом все друг друга «крышуют»? Говорить о добродетели в этих условиях — все равно что премудрому пескарю задавать благородные вопросы щуке.

П.Гуревич. Тема социальной справедливости становится все более актуальной. Но власть не всегда бывает плохой. К примеру, в VI веке нашей эры граждане Афин тоже оказались в зоне кризиса. Многие из того времени похоже на то, что мы переживаем сегодня. В Афинах увеличивалась пропасть между бедными и богатыми, экономическая нестабильность грозила

революцией. И что, по-моему, важно. Греки также пребывали в состоянии глубинной депрессии. Находясь в состоянии полной безнадежности, они позвали Солона, дав ему почти неурезанные полномочия. Что сделал Солон? Прежде всего, он первым же законом отменил долги. Таким образом, земля снова оказалась в руках крестьян. Граждане были освобождены от рабства. «Страхивание бремени» (сложилось такое словосочетание) предполагало уничтожение долговых обязательств. Так Солон восстановил общественный баланс в обществе, возвел в значимую норму справедливость. Затем он разработал кодекс справедливых законов и заложил основы демократической конституции. Результаты не замедлили сказаться. Выросло благосостояние общества. Стали процветать философия, театр, скульптура и архитектура.

В.Толстых. Да, можно подумать, что речь идет о далеком прошлом. Но вот что пишет по этому поводу знаменитый канадский ученый и писатель Джон Ролстон Сол в книге «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе»(2007): «Наше современное отношение к задолженности подтверждает, что мы перешли на новую ступень. Теперь социальная этика подчиняется эффективному функционированию системы. На этой стадии социальный контракт подчинен финансовому контракту. Этика настолько исказилась, что она стала использоваться в качестве мерил эффективности функционирования систем и для негативной нравственной оценки должников. В результате мы разучились пользоваться весами здравого смысла в оценке бедности и страданий, которые возникают из-за долгов, с одной стороны, и сравнительно слабыми негативными последствиями неплатежей на финансовую систему — с другой. За пределами национальных и международных манипуляций с деньгами с этикой существует параллельный мир, абсолютно свободный от регулирования, поскольку он не подчинен каким-либо правилам или стандартам. Его можно назвать сумеречной зоной финансов: оффшорные, безналоговые, нерегулируемые зоны не поддаются воображению, это зоны абсолютной инфляции. И все же «понятия», по которым существуют эти зоны, взяты из реальных экономических систем». Деграция нравственности

П.Гуревич. Здесь возникает актуальная тема — диалог власти и общества. Можно говорить о различных формах общественного договора, но в основе такого взаимодействия могут быть только моральные императивы. Что же можно сказать о современном обществе? В чем проявляется аморальность современного общества?

О.Долженко. Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно написать книгу, и, может, не одну. Коротко: уровень образованности руководства страны и исполнителей, сама организационная структура, связанная с принятием и исполнением решений, оставляют желать много лучшего. Тот уровень понимания, который демонстрирует вертикаль власти, просто не позволяет войти в контекст ведущих проблем современности. В результате Россия в очередной раз уже сама себя вытолкнула на обочину истории. С другой стороны — господствующие организационно-структурные решения, ограничивающие возможности развития общества, являются неизбежной

платой за размеры страны с учетом наличной плотности населения. Отсюда и аморализм.

П.Гуревич. Фургон с покойным едет по российским просторам. Его везут в родные края для окончательного упокоения. На каждом крупном перекрестке машину неизменно останавливает постовой. Получив подношение, пропускает фургон. На недоуменные вопросы родственников отвечает: а вдруг везете оружие, вокруг так беспокойно. Внутри тем не менее заглядывать не стал. Ясное дело, усопший. Вечная ему память. Какой, однако, неожиданный и зловещий образ нынешней страны! Представитель власти, радеющий о порядке... Оброк с того, кто отправляется в последний путь. Неукоснительный, на всех перекрестках. Идея предпринимательства прямо-таки на глазах получает парадоксальное претворение. Социологи свидетельствуют: люди стали гораздо прагматичнее. Нравственные запреты все чаще игнорируются. Многие утратили нравственное чувство, в моде достижение любыми средствами.

В.Толстых. Государство несет прямую ответственность за моральное состояние общества. Еще раз подчеркну: в Советском Союзе при всех издержках нравственного климата никто мораль не отменял. Бесплатное образование, бесплатное здравоохранение. Разве их осуществление было продиктовано политическим расчетом или прагматическим интересом? Это были запросы нравственного сознания. А сегодня нет)нет да и проскользнет в нашей свободной — в том числе и от стеснений совести — прессе кощунственная мыслишка о том, что, де, напрасно мы победили в войне, глядишь, сейчас бы пили баварское пиво и ели добротные немецкие сосиски. Невольно вспоминается Смердяков из «Братьев Карамазовых»: «Жаль, что Наполеон не завоевал России. Умная нация завоевала бы глупую с. И было бы куда лучше...». У нас таких Смердяковых теперь развелось предостаточно. Им ничего не жаль, даже если страна развалится на десятки удельных княжеств и государств. Я уверен, что для них нет ничего святого не только в прошлом, но и в настоящем: вдоволь накричавшись о ценностях демократии, они начнут «сдавать» и ее, снова возлюбив авторитаризм, от которого рукой подать до деспотии, диктатуры.

О.Долженко. Согласен. Чисто по)человечески большая часть свершившегося и свершающегося в России не может не вызывать возмущения, если не сказать больше... Вызывает недоумение позиция представителей так называемых интеллектуальных кругов, которые, как мне представляется, не сумели верно оценить сущность происходящего, увидеть долгосрочные последствия принимаемых решений. На мой взгляд, значительная часть наших «интеллектуалов» приняла слишком уж горячее участие в обсуждении текущих вопросов, может, и весьма интересных, но предполагающих, прежде всего, осмысление вопросов более общего плана, того контекста, который придает происходящему смысл. Например, мы готовы биться не на жизнь, а на смерть в связи со вступлением России в так называемый Болонский процесс или в связи с введением в практику высшей школы Единого государственного экзамена. При этом мне неизвестны попытки определить содержание того, что в наших

условиях следует понимать под «образованием», что такое либеральная и традиционная, предметно-ориентированная его модели. Результат такого помутнения разума очевиден: каждое учебное заведение что-то делает, но делает нередко хаотично и бессмысленно, так как отсутствует самое важное — образ, наличие которого только и придает смысл реализуемому. В итоге рождаются вербальные немислимые монстры, с помощью которых задаются целевые установки образовательной практики: сформировать «творческую личность», «духовно)нравственный облик инспекторов ГИБДД», формулируются псевдопроблемы типа «подготовки конкурентоспособной личности учителя в учебном процессе университета». Эти сочетания я взял из авторефератов, защищенных диссертаций. В итоге мы «формируем» «неформируемое», «готовим» не подлежащее изготовлению... И даже (!) утверждаем необходимость «возрождения нравственности»! Но нравственность нельзя возродить: она или есть, или нет.

В.Луков. Тогда о чем мы толкуем?

О.Долженко. О том, что нравственность непосредственно связана с условиями ее воспроизводства. Общество может быть моральным или аморальным, но не может быть немножко нравственным... Утрата способности к пониманию происходящего — явное свидетельство той антропологической катастрофы, которую переживает российское общество: происходящее вышло за рамки наличного уровня понимания, нравственная же оценка происходящего всегда связана с пониманием. Причем, чем сложнее структура общества, тем выше должен быть уровень развития человека, гарантирующий необходимый уровень понимания. Для того чтобы прокомментировать сказанное, сошлюсь на собственный пример. В начале 1950-х гг. моя семья жила в Челябинске 40, где набирал обороты ныне всем известный комбинат «Маяк». Отец часто брал меня на рыбалку. И вот, вспоминаю, ловим мы рыбку на реке Старая Течь, а рядом с нами на такой же лодочке ловит рыбу кто-то из городского начальства, чуть ли не директор комбината К.Музруков... К чему это? Все просто: радиоактивные отходы комбината попадали, насколько я понимаю, именно в эту речку. Но никто толком не знал, что такое радиация и какую угрозу она таит для человека...

В.Луков. Речь идет о незнании или об откровенной лжи?

П.Гуревич. Во Втором послании к Тимофею апостола Павла из Нового Завета говорится о «венце правды»: «А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия». В библейском понимании «венец правды» — высшее достижение праведника. Но мы живем в обществе, в котором ложь становится постоянным спутником политики. Не нужны особые усилия, чтобы понять, что нас опять считают недоумками. Нам сообщают о том, что доходы такого-то сановника значительно снизились, и полагают, что мы не сможем сделать выводы из смежной информации: напротив, благосостояние неработающей супруги неожиданно умножилось. Рассказывают о том, что кризис уже выдыхается, а люди на ярких повседневных примерах видят, что он, напротив, усиливается. Власть посылает обществу сигналы о том, что она готова к диалогу с обществом, понимает глубину социальных проблем

и работает в этом направлении. А люди уже привыкли к тому, что речь идет о том, чего в действительности нет и, возможно, не будет. Скоро общим станет убеждение в том, что из телевизионного ящика слышно только то, что оказывается заведомым враньем.

О.Долженко. Наша беда: мы всегда живем прошлым, которого не было, с мыслью о будущем, которого никогда не будет. Тут я приведу слова последнего министра высшего и среднего специального образования СССР В.П.Елютина, сказанные им в день его отставки. Помню, вошел Вячеслав Петрович в комнату, где должно было проходить какое-то совещание, рассеянно посмотрел в окно и как бы про себя и для себя, ни к кому не обращаясь, с какой-то грустью сказал: «Эх, привыкли мы ломать не построи...». Тогда я еще не знал, что спустя несколько часов в зал коллегии министерства выйдет человек с каменным лицом и волчьей походкой (Г.Алиев) и объявит о назначении нового министра (Г.Ягодина). Повторюсь: история не нуждается в осуждениях. Во имя нашего будущего она испытывает потребность в объяснении и понимании. Историю нужно постигать и принимать для себя в качестве урока на будущее. И у общества, и у отдельного индивида будущее существует постольку, поскольку понято прошлое. Отказываясь от прошлого, мы устраним возможность будущего; как бы «снимаем» проблему с тем, чтобы с ней встретиться в более сложном будущем. Утрачиваем свою идентичность и становимся марионетками общеисторического процесса, теряя право выступить в роли ее субъекта.

П.Гуревич. Здесь, судя по всему, мы вторгаемся в сферу ценностных ориентаций общества, его менталитета, его традиций.

О.Долженко. Утверждение об утрате исторической субъектности не столь бесплодно, как это может показаться. Достаточно вспомнить предыдущие периоды нашей истории, которые можно очень условно сопоставить с тем, что происходит сегодня. Речь идет о правлении Ивана Грозного, Петра I, «освобождении» крестьян от крепостной зависимости, о 1917 годе, да и год 1991-й недалеко от перечисленного ушел. Если уж осуждать, то нужно осудить всю историю России...

В.Толстых. Так ведь об этом я и говорил.

О.Долженко. Разумеется. Если же обратиться к русским народным сказкам, то и в них прослеживается нечто любопытное, весьма хорошо иллюстрируемое пословицей «От трудов праведных не наживешь палат каменных». В основе преобладающей части сюжетов сказок лежит представление о чуде, которое должно подменить мои личные усилия. В них мы не столкнемся с образом Ганса-дровосека. Ведущий лейтмотив — Емеля, «осуществляющий компетентный подход в условиях перемещения с помощью печи». Скатерть-самобранка, избушка на курьих ножках, которая поворачивается без моего усилия, но «по моему хотению»...

П.Гуревич. Но в пословице «От трудов праведных...» есть и другой смысл. Если ты богат, значит и криминален. Палат каменных обычным трудовым усилием не обретишь. Кризис сегодня возвращает нас к этой простой мысли, к протестантским ценностям.

О.Долженко. Напрашивается мысль о том, что и в тот период, когда формировался сказочный репертуар российской культуры, жизнь русского человека ненамного отличалась от нынешней: никогда он не был хозяином своей судьбы. Но вернусь к многократно повторяющемуся в российской истории сценарию. Только две общие черты: во все времена неявная цель крутых виражей российской истории состояла в приостановлении процесса разрушения властной вертикали. Всегда они осуществлялись силами социальных маргиналов и прожектеров из числа интеллигенции, возводивших в абсолют какую-то очередную идею при активном участии представителей других государств. Всегда их сопровождали криминализация жизни и произвол. Всегда ведущая роль принадлежала опричнине. Всегда уничтожалась духовная или интеллектуальная элита, что снимало саму возможность глубинного анализа сложившейся ситуации. Разве сами по себе эти факты российской истории не заслуживают пристального внимания и анализа? Или мы будем продолжать жить в логике слов В.Брюсова: «Мы вечно, вечно в центре круга. И вечно замкнут кругозор».

П.Гуревич. Вы хотите сказать об актуальных задачах этической мысли?

О.Долженко. Именно. Нравственное непосредственно связано с наличной способностью понимания, то есть эта категория работает в том случае, если намеченное лежит в зоне, которая включена в жизнь человека. Мы можем о чем-то помыслить только в том случае, если сами являемся носителями этого чего-то. Цели, выходящие за границу дальней зоны развития, для человека невыполнимы. И тут-то как раз и возникает потребность в идеологизации сознания, тут-то как раз и требуются вертикали и авторитаризм...

В.Луков. Сейчас много говорят о том, чтобы восстановить в правах термины «идеология» и «пропаганда». Вообще надо ли идеологизировать мораль? В истории человечества было немало примеров, когда нравственность пыталась обслужить каждый изгиб политической конъюнктуры. Это неизбежно завершалась разочарованием. Может быть, мораль должна опираться на собственные принципы существования, на свою автономию? Разумеется, есть опасность в этом случае оказаться в изоляции, утратить свою роль духовного поводыря.

О.Долженко. Я задаюсь вопросом: а не настало ли время ученым, а тем более — философам, занять более объективную позицию по отношению к происходящему и выполнить свой гражданский долг: обеспечить нужный уровень понимания и предложить средства реализации морально обоснованных целевых установок, определяющих пути развития общества?

Изнанка нравственности

П.Гуревич. Каково преобразование морали в современном мире? В каких сферах социальной жизни можно и нужно искать рычаги воздействия на нравственный климат?

О.Долженко. Конечно, причину следует искать в социальных переменмах. Самое интересное, на мой взгляд, состоит в том, что принятые вчера и принимаемые сегодня решения — условия концепции догоняющего развития, когда общество стремится перепрыгнуть некоторые этапы нормальной истории. Все институты такого общества действуют в режиме решения частной задачи, которая выхвачена из общего контекста, задающего условия нормальной жизни человека. Проиллюстрирую сказанное примером. В момент резкой смены курса, как правило, в среде интеллектуалов уже существует группа людей, которые понимают смысл происходящего. Система же образования выстроена в авторитарной логике, детерминирующей решение задач определенного класса. В этой логике она и функционирует. Философия исцеления общества происходит в логике излечения больного с помощью узкоспециализированного врача, без учета общего состояния человека, но с четким представлением о том, что надо лечить ту или иную подсистему. Например, органы дыхания или систему (сердечно)сосудистой деятельности...

В.Луков. Но ведь нельзя обойти и тему деградации отдельного человека, а не только общества в целом. Мы сегодня чествуем не людей труда, не святых и не праведников, а представителей власти, новых богачей, высшее чиновничество, вчерашних бандитов и мошенников. Кто сегодня герои газетных полос? Те, кто пестует тело на дорогих курортах, получает командировки с видом на Пизанскую башню, проверяет прочность гор на служебных вертолетах, устраивает показательные свадьбы и вечеринки, охотится на горных баранов в Алтае. Чингиз Айтматов описал в свое время охоту на вертолетах как страшное преступное деяние, причем не только в смысле юридического кодекса, а именно морально, как разложение человека.

О.Долженко. Падение нравственности и морали в известной мере связано и с состоянием семьи. Семья в России исчезла уже давно. При этом практически отсутствует и представление о полной семье. Для меня полная семья — не семья, состоящая из родителей и детей. Для меня полная семья — единство трех поколений: дедушек и бабушек, являющихся носителями мудрости и нравственности, родителей — носителей знаний и морали, детей, живущих в мире мифа и информации... «Вынеся за скобки» представителей старшего поколения, мы сделали нравственность производной от внешних воздействий, объектом сторонних манипуляций...

В.Луков. Коррозия поразила многие социальные институты.

О.Долженко. Интересно, что нечто похожее можно наблюдать и в логике развития университета, который поначалу приобщал к мудрости. В XIX в. на смену мудрости пришли знания, а сегодня на смену знаниям пришла информация, которую надо «вписать» в логику становления новой «знаниево-ориентированной экономики». Теперь можно вроде бы как уже ничего не знать и не уметь: мы вступаем в эпоху «знаниевой экономики»!.. Так что для меня происходящее в России — не случайность. Скорее правильнее говорить об устойчивой традиции российской истории, сориентированной на дискредитацию роли созидательного труда человека, что в полной мере соответствует сословному, иерархически организованному обществу

феодалного типа, сориентированному на властную вертикаль. В этих условиях нельзя всерьез говорить о трудовой этике: в основе жизни такого общества лежит не стремление «быть» и в меру такого «бывания» — «иметь». В России эти две субстанции никогда не совпадали. Одни имели, другие бывали, а третьи просто существовали, впав в состояние возвышенного (и не очень) «духовного анабиоза» и понимая всю бессмысленность систематического труда, результаты которого в один прекрасный момент государство зачеркнет с помощью различных фискальных средств. Накопление опыта, знаний, средств в таком обществе — просто бессмысленно. Человек в нем бесправен.

П.Гуревич. Вероятно, можно говорить также и о пришествии на социальную арену психологии асоциальных слоев общества.

О.Долженко. Да, итог каждого такого перелома — выход на политическую арену маргинальных слоев общества, ценности которых разворачиваются в логике «иметь» (власть, деньги и т.п.). Нельзя утверждать, что это — люди безнравственные. Амбиций у них много, да и немало обид накопилось в том прошлом, с которым сейчас они сводят счеты, а вот уровень понимания подлинного положения дел, перемен, которые происходят и с обществом, и с человеком, явно недостаточен. Во многом он — итог их длительной деятельности в условиях авторитарных, иерархически организованных структур. Результат: и в новых условиях они воспроизводят старые формы и методы управления, старое содержание и старые представления, которые переживают лишь вербальное перевоплощение.

*Я — мещанин! В том суть моя!
Я — оптимист от «А» до «Я»!
Я в жизнь пришел — ее восславить,
Словами классиков воспеть,
Рожать, растить и... помереть!*

Для такого «прораба перестройки» мимикрия — дело плевое (чуть не сказал «правое», хотя враг, действительно, будет разбит!). Его гражданственность не простирается дальше логики выстраивания отношений в «треугольнике» жена — любовница — дети. Задача сохранения собственной идентичности для него чужда.

П.Гуревич. Так ли? Точнее, видимо, говорить о крушении идентичности, о том, что вместо личностного ядра мы чаще фиксируем нулевую идентификацию.

О.Долженко. Россия традиционно жила в лоне концепции догоняющего развития. Первое поколение очередного этапа модернизации — в условиях упрощенной трактовки задач, которые стояли перед средне) и малообразованным человеком. Три поколения. Причем, уже третье жило на грани катастрофы. Но со временем жизнь общества становилась все сложнее. И нужно было или переходить к новой системе управления, предусматривающей диверсификацию разных форм хозяйствования, или же идти на упрощение ситуации, переориентировавшись на новую целевую установку, вырванную из

контекста развития культуры как условия продуктивного существования человека, и перенеся задачу в контекст технократического подхода. Так что жизнь происходящего и происходившего в российской истории всегда была и аморальной, и безнравственной. Если же и появлялись высоконравственные люди, то они сначала уничтожались, а потом канонизировались, почитались почти святыми. Государство и свои жертвы умело поставить себе на службу...

В.Луков. Назрела потребность в социально)нравственном анализе общества. Мы все время говорим о новых хозяевах жизни и об обывателях. Но есть ли в обществе другие ареалы, другие социальные слои? Каково сегодня нравственное состояние интеллигенции? Остались ли очаги народной, деревенской культуры? Кто сегодня противостоит богачам и киллерам? С бизнесменами все понятно. Кризис показал, что у них развит только один рефлекс — хватательный. Они обретают дворцы, яхты, миллионы, гектары земли на Рублевке, особняки в Лондоне, будущие VIP-могилы на Новодевичьем кладбище. Но разве только олигархи вызвали столь пагубную деградацию человеческих отношений? Да, нынешний финансовый кризис спровоцирован спекулятивными интересами частных банков и корпораций. Но их поведение обсуждается только в экономическом аспекте. А чиновники? В борьбе с олигархами, может быть, и целесообразно было создать некий социальный противовес — государственных служащих. Но у этого сословия сформировался собственный этос. Круговая порука, карьеризм, интриги, презрение к народу. Готова ли власть к тому, чтобы поставить клерков на место, заставить их служить людям, а не себе? Как она относится к глубокой криминализации общества? Намерено ли последовательно и эффективно вести политику оздоровления общества или стремится создать только видимость такой политики? Почему государство жалуется тех, кто спаивает народ, кто строит финансовые пирамиды, растлевает людей? Качество капитализма оценивается не по роскоши особняков и количеству бриллиантов на шее любовницы, а по уровню инвестиций в экономику, в науку, в инновации, в развитие инфраструктуры. Кто озабочен, к примеру, тем, что наши судьи превратились в стряпчих, а следователи стали обыкновенными вышибалами нужных дознаний? Моральная деградация в обществе стала системной.

П.Гуревич. Вероятно, мы не смогли найти ответы на многие вопросы. Мы старательно стремились выйти за пределы морализаторства. Однако любое оздоровление начинается с диагноза, каким печальным бы он ни был. Социальные критики во всех странах с тревогой пишут о кризисе нравственного сознания. Рушится семья как социальный институт. Отменяются вековые табу. В благоденствующих цивилизованных странах, где и свобода, и деньги, и пластическая хирургия, люди не чувствуют себя счастливыми. Напротив, они выбрасываются из окон. Кинозвезды погрязают в депрессии и глотают наркотики. Интеллигенция погрязает в бездуховности. Дети вступают на путь порока. Защита личности, которая строится на индивидуалистических предпосылках, оказывается абсурдной и бессмысленной. Но больше всего разочарований в человеке.

Многое из того, о чем мы говорили, не является откровением. Действительно, в нашей стране народ стал понимать демократию как возможность красть помногу, в особо крупных размерах. Воровство заменило труд. Воруют повсеместно, по вертикали и горизонтали, снизу вверх, в обособицу и артельно. В обществе укореняется дух вселенского разграбления. Можно воровать у государства. Но, оказывается, можно грабить и при помощи государства. Из сознания людей стали выветриваться все библейские заповеди, растворяться моральные нормы. В итоге искажается, теряет форму не только социальная, но и политическая система. Поразительный факт: глава Следственного комитета называет замминистра финансов преступником, а коллеги характеризуют его как честнейшего чиновника. Что это — никчемное правосудие или преступный сговор поделщиков? Поражает наглость, с какой чиновники борются с коррупцией, сохраняя все свои привилегии и доходы. Ректор вуза, в котором царят вымогательство и взятки, создает антикоррупционный комитет в

учебном заведении, где такой институт по определению невозможен. Профессора уже не озабочены просвещением, а приглядывают друг за другом. Неужто и в самом деле коррупция — это наше все, стиль нашей жизни, главный нерв нашей государственной системы? Но где та нравственная сила, которая объявит войну кичливому богатству, расхлябанности и безответственности чиновников, идиотизму непрофессиональных реформаторов, моральному бомжеванию интеллигенции? Кто остановит постоянное и непрерывное насильственное перераспределение собственности? Кто объяснит молодому поколению, что соблазны растлевают душу?

В ходе нашего обсуждения были затронуты разные вопросы. Мы говорили о происхождении морали, отмечали негативное воздействие социальных условий на нравственные представления людей. Но, пожалуй, не поставили вопрос о личной ответственности каждого человека за свой нравственный выбор. Некоторые исследователи считают, что человеком можно манипулировать, что человеческое поведение есть сумма воздействия среды. Но другие, напротив, уверены, что все поступки человека обусловлены его собственным выбором и не могут быть оправданы никакими ссылками на социальные обстоятельства. Вспомним, что великие этические системы возникали в результате подвижничества отдельных людей, увлекавших за собой широкие слои. Вспомним особый пиетет, который испытывал русский философ М.М.Бахтин к Поступку. Нравственное деяние не проходит бесследно.

Мировой кризис позволяет сегодня заново осмыслить нравственные императивы. Опыт нравственных исканий показывает: ни добро, ни зло не predetermined и не реализуются автоматически. Решение всегда остается за человеком. Оно зависит от его способности относиться к самому себе, к своей жизни всерьез. Оно обусловлено его готовностью принимать вызов, решать и свои собственные нравственные задачи, и моральные проблемы всего общества. Оно, наконец, зависит от его мужества быть самим собой и быть для себя. Без глубокого индивидуального поступка разговоры о морали неизменно

будут агрессивным разоблачительством без ответственности отдельного человека, власти, общества в целом.

В недрах общественного сознания, безусловно, рождается сегодня протест против массового одичания. Православная церковь пытается восстановить универсальные святыни. Люди, помнящие достоинство труда, ищут коллективной опоры. Во многих странах набирает политический вес консервативное сознание с его культом святости жизни, зачатия, семьи, семейных добродетелей, моральных заветов. Новейшие научные открытия в области психологии заставляют думать о хрупкости жизни, о связи всего живого на земле, о преступном эксплуататорском отношении к природе.

Мы затронули в ходе дискуссии вопрос о моральной риторике, которая замещает праведность и святость. Не зря Фрейд говорил о том, что мы должны быть особенно бдительны там, где возникает благородная фраза. На протяжении многих столетий философы, религиозные мыслители пытались раскрыть смысл и назначение нравственности. Что такое Добро и Зло? Как возникла нравственность? Есть ли у нашей жизни какой-нибудь смысл? Если нет, то имеет ли она нравственный характер? Вообще коренится ли этот смысл в нравственной области? Если да, то в чем он состоит? Как дать верное и полное его определение? Возможна ли жизнь общества без морали?

Таковы общие проблемы нравственности. Отечественный писатель Фазиль Искандер на вопрос одного корреспондента: «Прогрессирует ли человек духовно» ответил: « У человека есть два типа ума — технологический и этический. Технологический ум развился невероятно. Сейчас десятиклассник знает об этом мире в миллион раз больше, чем Сократ. Зато современный философ едва-едва может разобраться в тех этических вопросах, которые ставил Сократ».

Мы заговорили о справедливости. После работы Н.А.Бердяева «Философия неравенства» тема общности стала уходить из этических исследований. Но ведь труд русского философа был направлен против всеобщей уравниловки. Разумеется, мир иерархичен. Нет сомнений в том, что в условиях свободы одаренный человек может занять высокое место в обществе. Социальное неравенство Бердяев считал оправданным, потому что у людей разные способности, неодинаковые стартовые возможности, есть трудолюбивые и бездельники.

В современных условиях тема равенства и справедливости возникает вновь и на иной основе. Сегодня в России воспроизводится система неравенства, которая существовала на Западе в XIX–XX веках. Справедливость состоит не в том, чтобы все были равны, а в том, чтобы неравенство было обоснованным и сбалансированным. В литературе и в публичных выступлениях говорят о справедливости лишь как о честном распределении доходов и социальных благ. Но разве справедливость исчерпывается таким пониманием? Вспомним, как в годы перестройки герой пьесы Гельмана «Премия» говорил о том, что каждый человек не должен ощущать себя винтиком — у него есть справедливое притязание на то, чтобы быть

услышанным, влиять на ход социальных событий. Но даже в этом вопросе мы соскользнули на обочину экономического прагматизма.

Неоспоримо одно: важно восстановить практику дискуссий по этическим вопросам. Мы говорим о морали как условии выживания человечества. Дальнейший прогресс общества и, прежде всего, выход из мирового кризиса, невозможен без восстановления нравственности в ее законных правах.